

Перебирая тюремные письма Сергея Параджанова, я как бы отсидел с ним полный срок. Читатель и сам испытывает похожие чувства. Хотя в этой подборке лишь несколько писем из ста девяносто, отправленных лагерником Параджановым в период с июня 1974 года по декабрь 1977-го, — жене, сыну, сестре, друзьям и коллегам.

...Конец ноября 1975 года. Адресат — сестра Рузана.

«Пишу не только для тебя, а для всех, что я очень по-другому смотрю на свой арест, т.к. понимаю неизбежность своей изоляции. Действительно, могло быть и все по-другому. Я мог уехать с Украины. Но это — трусость. Я обязан был вылечить сына и потом уехать. Меня просто накрыли. Они хотели меня вообще уничтожить. Сейчас я привык, счастлив, не желаю даже выходить из тюрьмы... Вижу кроны деревьев, небо. Что на свободе? Неустрашенность. Позор, которым меня очернили. Встречи и сожаления, которые мне будут оказывать друзья и родичи. Жалость, которую я возбуждаю у всех».

Камера. Блатной мир. Точное определение художника:

«Я живу, как в системе Станиславского: порой сливаюсь с реальностью... Писать, даже новеллы, боюсь. Это ад Данте».

Полное осознание того, что настоящее — реальность, хоть и мнится ирреальным.

«Отсюда уходят на 10—15 дней и возвращаются на 15 лет. Среди этого мира и я. Кем я выйду? Тут отключают радио, если это Вивальди или Шопен. Терпят

«Дорогая Лиля Юрьевна, Василий Абгарович!

Получил — фиалки! Освоился с новым местом — пишу! Думаю, что все осложняется, надежд никаких. Надо ждать звонка. Это конец срока!!! Жутко, т.к. на эту среду я не рассчитывал. Это строгий режим — отары прокаженных, татуированных, матерщинников. Страшно! Тут я урод, т.к. ничего не понимаю — ни жаргона, ни правил игры. Работаю уборщиком в механическом цеху. Хвалят — услужлив! Часто думаю о Вас. Вы превзошли всех моих друзей благородством. Мне ничего не надо — только одно: пригласите к себе Тарковского, пусть побудет возле Вас — это больше, чем праздник.

Целую Вас всех. С. 1.6.75 г. Стрижавка».

«Дорогие мои Лили Юрьевна и Василий Абгарович, сидеть я буду весь срок. Это тоже необходимо. Пугает меня одно — это тревога Лили Юрьевны, ее сон и грустные нотки между строк. Вы в произошедшей моей переоценке ценностей и людей оказались удивительными, щедрыми, мудрыми и великими. Вас не одержал тот страх, который овладел близкими моими друзьями на Украине и в Грузии. Я, вероятно, не знаю, за что сижу и сколько буду сидеть. Я признал свою вину и должен был сидеть год. Однако я осужден на пять лет. У меня изъята квартира и лишен мундира художника и мужчины. Но это не главное. Главное — что потом? Что будет в судьбе Светланы, сына и моего искусства, которое я еще не выразил на экране в полную меру?

Вы щедро балуете меня, сына, сестру! Все это меня радует и огорчает, т.к. я не могу найти средств ответить Вам тем же. А что, если я не доживу этот удивительно длинный 1001 ночь и день!!!

Лили Юрьевна! Я просил Светлану пойти на подвиг и расписаться со мной в условиях изоляции. Т.е., имея сына и ее согласие, в лагерь придет загс, и мы будем обвенчаны, и нам поднесут даже шампанское. Обряд страшный, но в моем положении удивительно чистый и необходимый. Светлана — умный и красивый человек, понимает мое положение и имела бы право как женщина и друг принять этот крест. Однако она молчит. Как Вы относитесь к этой идее?

Посылаю Вам фото с работ моих друзей Михаила Грицкока и Юлика Сенкевича, они же авторы памятни-

ка Тарасу Шевченко у гостиницы «Украина» (Фуженко). Они открывают открытые миры, но талантливо, и персонажи сенсационные — Стравинский, Мравинский, Пастернак, Ростропович, Достоевский и я в образе Прометеев. Они прислали свои работы мне, их много, но я посылаю Вам часть — Вам знакомых.

Я задумал серию коллажей, их 3—4, которые посвящены супругам Шедрину — Плисецкой. Это пластические этюды. Назло Григоровичу. Следствие хотело изъять у него запонки Фаберже — орлы и бриллианты, подаренные мною, и два веера 18 века — Буше и Ватто! Он сказал, что он меня плохо знает, забыв о том, что мы, достаточно подвыпившие, явились к Вам в ночи и испугали даму в Вашей квартире. Вас не было.

Я огорчаю Вас письмами. Но они неизбежны. Мне надо набрать сил и сидеть. Уныние и жалость отменяются.

Целую Вас. Все присланное Вами — это праздник. Больше, чем праздник — это Ваш ВИЗИТ.

21.06.76. (Стрижавка)»

«Лили Юрьевна и Василий Абгарович!

Бандероль с блоком (сигарет) и жвачкой получил. Остальное отказали. Не переживайте! Не беда! Прошу Вас, не терзайте себя. Я на очень строгим режиме! В знак благодарности посылаю Вам и Василию Абгаровичу рукоделия. Не взывайте! Не указываю, что кому. Прошу одно, берегите себя! Может быть, и есть Бог! Мир Босха удивителен. Какой это круг ада по Данту — не знаю. Но для всех я тут сумасшедший старик — что-то проповедующий и клеющий.

Никулин — удивительный человек. Прекрасный художник, и, к сожалению, не удалось (ему) сняться у меня в роли Андерсена. Он — Сирано де Бержерак, а не хохмы, которые он изображает на соцэкране.

Спасибо Вам, мои дорогие и любимые. Пока мне ничего не надо.

Мне сообщили, что меня представят на «химию», но не было пока ни комиссии и не было суда. Надо уметь доигрывать затеянную буффонаду. Это необходимо. Привет всем. Прошу Вас, берегите себя.

Сергей. При сем четыре коллажа из коры и засушенных цветов. 12.09.75 г.»

«Рома! (Читать в одиночестве) (рисунок)

За день до твоего письма получил (письмо) от Киры Муратовой. Какой нежности

Огинского, и все. Все противопоказано. Я сумасшедший старик, рисующий, клеющий цветы. Это больше, чем приговор. С кем я? Страшно. Все время страх, угроза ножа и избиения».

В мире изуродованных судеб Параджанов видел сюжеты для новелл, он художнически воспринимал и патологию, и жестокость нравов, и зверства уголовных авторитетов, и справедливость, которая разная для разных людей:

«Рядом со мной лежит мальчик. Ему 18 лет. У него обвинение — убийство. Он убил мачеху! Она при нем избивала отца. Он рисует одну и ту же девушку — свою возлюбленную — и одевает ее в разные платья. Пытается раздеть ее... Он уйдет из тюрьмы в возрасте Христа. Таких новелл у меня уже 1001. Одна страшнее другой. Ни одной случайности».

...Он и там творит чудеса с вещами — клеит, вырезает, штопает, нанизывает...

В конце восьмидесятых годов в Ереванском музее народного творчества открылась первая выставка, составленная из экспонатов Параджанова.

— Это хобби или продолжение творчества? — спросил я Сергея Иосифовича, когда он собственноручно раскладывал экспонаты, подклеивал их, добавлял ереванские штрихи.

— Основа творчества, — лаконично ответил режиссер.

...Напомню: этот разговор был уже после его лагерных лет.

В тюрьме, в жестоком и страшном соседстве, Сергей Параджанов остается собой. Он пишет об удивительно нежных письмах к нему Инны Чуриковой, Глеба Панфилова, Романа Балаяна, Киры Муратовой, о прозаике Гранте Матевосяне, сокамернике Мише Хабидуллине, мудром, красивом и добром мусульманине, о некоем узбеке из Ташкента по имени Рустам, чей первый рисунок он вкладывает в конверт и отправляет Лиле Брик и Василию Катаняну.

Он в тюрьме, но он свободен. Уж лучше так, чем наоборот.

Книга писем издана Армянской национальной фильмотекой и Ереванским музеем Сергея Параджанова, автор проекта и главный редактор — известный киновед Гарегин Закоян, консультант — бессменный директор музея Завен Саркисян.

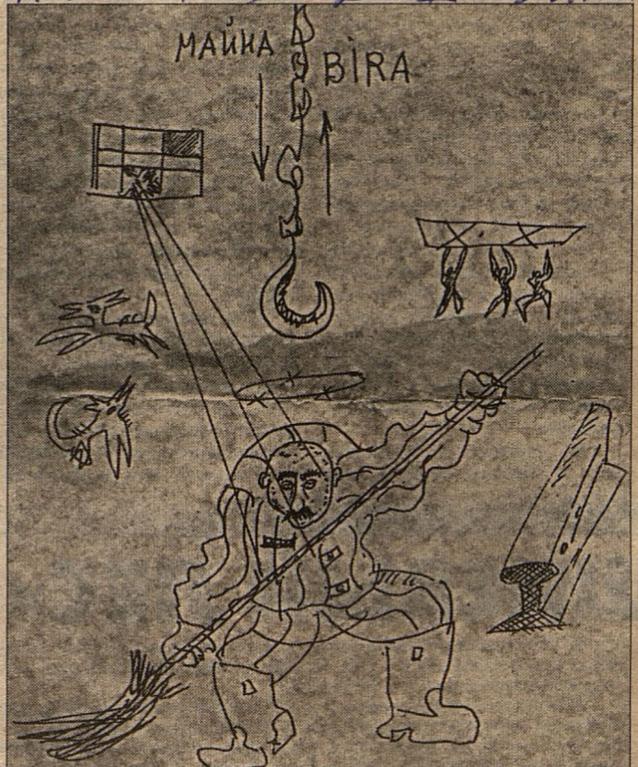
Ниже приводим несколько писем Сергея Параджанова из затворничества, адресованных Лиле Брик, Василию Катаняну, кинорежиссерам Роману Балаяну и Рубену Геворкянцу.

Письмо Юрия Никулина, посланное Сергею Иосифовичу в лагерь, любезно предоставлено нам директором музея Завеном Саркисяном и публикуется впервые (кстати, в музее более сотни неопубликованных писем к Параджанову от Тарковского, Виктора Шкловского, Никулина, Лили Брик, Романа Балаяна и многих других людей).

● Иосиф ВЕРДИАН, наш соб. корр.

В Ереване вышла книга писем Сергея Параджанова 1001 ЛАГЕРНАЯ

Новая газ-2001-3 июня-с 12

и глубины человек. Мудрая, гордая, красивая. Она будет снимать «Княжну Мери». Какое совпадение, что можно взять Наташу Бондарчук, а княжну Веру — Чурикову. В случае, если она возьмет Виктора Джорбинадзе консультантом, то будет здорово — все имена, костюмы, музей Грибоедова и Военно-Грузинская дорога — все будет предоставлено ей. Мне очень дорого ее внимание и доброта. Рома, «Каштанка» — это действительно может стать гени-

альным фильмом. В случае, если не утратится главное. Это мир — человек и животное. Человечность и животность. Слияние одного с другим. Пытаюсь подарить тебе три эпизода, думаю, что первый — гениальней».

«17 декабря — год моей изоляции. Рубик! Дорогой! Рубик, дорогой. Рад твоему письму! Все в письме искрится чувством и радостью. И поездка в Тбилиси, и сборник, и работа,

плач ребенка. Все это, вероятно, те слагаемые, из которых рождаются произведения.

Все, что касается меня, — это удивительная трагедия, к которой я готовился все десять лет с 1964 г., когда появились «Тени». Моя изоляция естественна и своевременна. Я много рисую и думаю. Писать воздерживаюсь, т.к. подо все надо найти финансовое решение. Рубик, не только врагу, но и другу-художнику я настоятельно желал бы испытать все, что я испытал. Это сурово, даже страшно, но необходимо для становления. Мир ашугов, ангелов и архивов смешон перед патологической жаргонов и просто татуировкой. Конечно, я смешон, так как могу уступить дорогу или место. Это все «запалло». Но мне удалось выжить. Пять лет — это срок большой. Я слаб и работаю три эпизода, думаю, что первый — гениальней».

«Ночь с 14 на 15 августа 1975 года. Москва

Дорогой Сережа!

1. Получил весточку от тебя. Спасибо большое. Все приветы твои переданы нашей семье, которая, в свою очередь, просила написать в письме самые лучшие пожелания тебе.

Параджанов Сергей

03.6.01